

Глава 13. Опять солнечный удар?

— Я приносил им добычу из гор, они платили серебром. Платили нормально, не обвешивали и не обсчитывали. Всё честно и без лишних проблем.

Дослушав до этого места, Линь Жун обернулся к лежавшему позади мужчине, который отдыхал с закрытыми глазами, и осторожно предположил:

— А потом всё изменилось? Перестали платить? Или стали давать меньше?

Цзянь Цинъюй открыл глаза и с лёгкой усмешкой посмотрел на гера, терпеливо ждавшего ответа:

— Стоит мне только заговорить о серебре, и ты сразу умнеешь.

— ...

Линь Жун отвернулся, всем видом показывая, будто больше не хочет с ним разговаривать.

Повернувшись к нему спиной, он нахмурился в замешательстве.

Неужели он и правда обычно выглядит таким глупым?

Подложив руки поудобнее под голову и слегка размяв затёкшие от неудобной позы руки, Цзянь Цинъюй продолжил:

— Однажды я заметил, что серебра они дали как-то не так... меньше, чем должны.

Линь Жун, обнимавший корзину за спиной, не удержался и снова обернулся.

Цзянь Цинъюй едва не рассмеялся.

— Я не стал с ними разбираться. Просто вернулся домой.

— Что?!

Глаза гера тут же широко распахнулись. Он даже сам не заметил, куда уставился, повернув голову набок. С такого ракурса он напоминал перепуганного зверька. Грудь Цзянь Цинъюя дважды дрогнула. Он с трудом сдержал рвущийся наружу смех.

На самом деле эта история почти не оставила следа в его памяти. Если бы Линь Жун на этот раз не получил солнечный удар и не упрямылся так, отказываясь возвращаться домой, Цзянь Цинъюй, вероятно, и вовсе бы о ней не вспомнил.

На губах мужчины появилась насмешливая улыбка, но лёгкость во взгляде сглаживала холод в его словах:

— Потом они ещё несколько раз поступали так же. Видели, что я никак не реагирую, и, наверное, решили, что меня легко обмануть. Стали наглеть всё сильнее: серебра давали всё меньше и меньше. А однажды я принёс им целого оленя! Так они заплатили всего один лян серебра.

Закончив, Цзянь Цинъюй перевёл взгляд на гера. И, как он и ожидал, уже в следующую секунду увидел на нём смесь неверия, потрясения и возмущения.

Цзянь Цинъюй тихо усмехнулся.

Горные хребты вокруг Шаньцинфу тянулись древними величественными вершинами. Эти места, щедро одарённые самой природой и наполненные глубокой духовной энергией, славились по всей стране как крайне опасные дикие горы. Обычные охотники из окрестностей осмеливались заходить лишь на самую окраину лесов, поэтому добычей им обычно становилась только мелкая живность — дикие кролики, фазаны, длиннохвостые птицы и тому подобное.

Крупных хищников, вроде медведей, тигров или леопардов, там почти никто не встречал. А если кому-то «везло» случайно забрести в самую глубь гор и столкнуться с таким зверем, то живым обратно уже не возвращались.

Поэтому единственной крупной добычей, на которую могли рассчитывать охотники, оставались олени. Но и те встречались редко и ловились тяжело. Даже старый олень, почти ничего не стоивший по меркам охотников, продавался минимум за пять лянов серебра.

Когда Цзянь Цинъюй только появился в этих местах и ещё ничего толком не понимал, он однажды притащил в город целого дикого кабана и без всякой осторожности выставил его на продажу. Тогда-то вокруг и собралась толпа зевак, а шеф-повар трактира «Фукаан», тот самый повар У, и положил на него глаз.

Позже, прожив здесь какое-то время, Цзянь Цинъюй освоился и перестал так привлекать внимание. В лучшем случае теперь он лишь изредка приносил в «Фукаан» оленя.

Думая о том, сколько серебра у него так бессовестно отняли, Линь Жун видел, что тот всё ещё может улыбаться, и от этого у него внутри словно застрял тяжёлый ком. В груди стало душно и тесно, будто даже дышать стало трудно.

Глаза покраснели от сдерживаемых эмоций. Он без всякого выражения уставился на мужчину, который всё ещё улыбался.

— ...

Улыбка на губах Цзянь Цинъюя постепенно исчезла.

Он перестал смеяться и быстро сел прямо.

Теперь они сидели лицом друг к другу. С неожиданно серьёзным видом Цзянь Цинъюй сказал:

— Тогда «Фукаан» благодаря оленине, которую я приносил, сильно поднялся. Богатые купцы и местные землевладельцы были от неё в восторге, и трактир заработал на этом и деньги, и славу.

Он чуть помолчал и продолжил:

— А потом я перестал им поставлять мясо. Тогда они сами пришли ко мне, даже вернули всё серебро, которое недоплатили раньше. Я взял деньги, но соглашаться не стал.

— Тот повар У от злости совсем потерял лицо и начал угрожать, что не даст мне спокойно жить в этих местах.

Линь Жун невольно напрягся.

Цзянь Цинъюй усмехнулся, и в его взгляде мелькнуло презрение:

— Только вот он не успел ничего сделать. Для уже назначенного пира им больше неоткуда было брать хорошую оленину. Богатеи и помещики пришли в ярость, дела трактира покатались под откос, а его самого сверху ещё и хорошенько прижали. В итоге он лишился работы, и его место занял нынешний повар Ляо Чжэн.

Потеряв престижную должность главного повара и щедрый заработок, тот человек по фамилии У попытался найти себе другой путь, однако...

Цзянь Цинъюй опустил глаза. В глубине его тёмного взгляда промелькнула холодная тень, а уголки губ изогнулись в странной улыбке.

Мечтать не вредно.

— Значит, этот повар Ляо хочет, чтобы ты снова поставлял им оленину.

Выслушав всё, Линь Жун наконец понял, почему Ляо Чжэн и его люди так почтительно относятся к Цзянь Цинъюю.

В конце концов, кто станет плохо обращаться с собственным источником богатства?

Цзянь Цинъюй лениво кивнул:

— Угу.

Линь Жун нахмурился, явно борясь с собой. Ему вдруг очень захотелось спросить, куда же этот человек раньше девал столько заработанного серебра.

Но, подумав о том, насколько тот привередлив в еде, он быстро пришёл к выводу, что накопить денег Цзянь Цинъюй всё равно бы не смог.

Линь Жун украдкой бросил пару взглядов на мужчину рядом.

Тот сидел вольно и расслабленно, но при этом ничуть не терял своей притягательной красоты. Высокий, длинноногий, с сильными плечами и руками — несложно было представить скрытые под одеждой его напряжённые мышцы.

Сердце вдруг дрогнуло.

Замечтавшийся гер тут же поспешно отвёл взгляд.

...Впрочем, умеет зарабатывать — значит, умеет и тратить. В этом тоже не было ничего странного.

По обе стороны дороги мелькали знакомые пейзажи — они уже вернулись в деревню.

Наконец этот суматошный и выматывающий день подошёл к концу.

Повозка остановилась, Цзянь Цинъюй спрыгнул вниз и, обернувшись, только тогда заметил, что Линь Жун всё ещё неподвижно сидит на телеге, опустив голову. Пряди волос спадали по обе стороны лица, но совершенно не скрывали густой красноты, залившей его щёки.

Цзянь Цинъюй замер.

Его взгляд невольно скользнул ниже, вслед за этим румянцем. Краснота, растёкшаяся под

ворот одежды, так и не исчезла, и поневоле возникала мысль — докуда она доходит по телу.

От этой мысли взгляд Цзянь Цинъюя на миг дрогнул, но затем он будто что-то вспомнил, и лицо его сразу помрачнело. Широким шагом подойдя к телеге, он низким голосом спросил:

— Снова солнечный удар?

Линь Жун сидел, опустив голову, и долго не отзывался. Спереди уже поторапливал возницу пожилой крестьянин, управлявший мулом. Цзянь Цинъюй нахмурился, протянул руку и без лишних слов поднял человека с телеги на руки.

Линь Жун, всё ещё погружённый в собственные мысли, совершенно не ожидал этого. Внезапно оказавшись в воздухе, он на мгновение оцепенел, а когда понял, что мужчина просто снял его с повозки на руках, в его голове будто что-то взорвалось и жар мгновенно ударил в лицо.

Видя, что тот только растерянно моргает и никак не реагирует, Цзянь Цинъюй окончательно уверился, что у него опять солнечный удар.

А ведь от сильного перегрева и умереть можно.

К тому же от деревенского входа до подножия горы идти было ещё довольно долго.

— Я понесу тебя обратно.

Не дав ему опомниться, Цзянь Цинъюй наклонился и сразу закинул Линь Жуна себе на спину. Оба короба он подхватил правой рукой, а левую завёл назад, придерживая человека.

Через несколько секунд он почувствовал, как гер у него за спиной начал вырываться.

Прижавшись к его уху, Линь Жун торопливо заговорил:

— Я... я сам дойду! Со мной всё нормально!

Лёгкое дыхание коснулось уха и шеи под ним, вызывая неприятно щекочущее ощущение. Взгляд Цзянь Цинъюя потемнел.

— Не дёргайся.

Слова Линь Жуна он просто пропустил мимо ушей. За весь сегодняшний день этот человек уже не раз краснел до такого состояния, но каждый раз упрямо твердил, что с ним всё в порядке, что он справится сам. А спустя совсем немного времени снова оказывалось, что не справится.

Как бы Линь Жун ни пытался вырваться, Цзянь Цинъюй не обращал внимания и спокойно шёл дальше. Лишь когда тот начинал особенно сильно ёрзать, он хлопал его ладонью пониже спины.

Раздавался звонкий шлепок.

Под ладонью ощущалась упругая округлая плоть, и человек у него на спине мгновенно замирал, становясь тихим и послушным.

Рука, которой он придерживал Линь Жуна, не давая ему соскользнуть. Она всё так же лежала на месте, но пальцы едва заметно продолжали поглаживать ткань.

Кадык Цзянь Цинъюя медленно двинулся.

В голосе появилась почти неуловимая хрипотца, хотя тон оставался спокойным:

— Если хочешь повторить ещё пару раз, то можешь продолжать дёргаться.

Человек за его спиной тут же притих.

Стоял самый разгар полудня — время, когда солнце палило особенно беспощадно. По дороге деревня казалась совершенно безмолвной: даже куры, утки и гуси попрятались в тень и не издавали ни звука.

В это время года одежда и без того была тонкой, а когда ткань пропитывалась потом, тела, прижавшиеся друг к другу, почти не чувствовали преграды между собой, словно соприкасались обнажённой кожей. Исходящий от них жар был даже сильнее палящего солнца над головой.

Слишком близко.

Слишком интимно.

Будто между ними и правда понемногу зарождалось что-то большее.

Летним полднем вся деревня обычно погружалась в сон. В прежние дни Линь Гэнь в это время уже давно бы храпел у себя в комнате, но сегодня всё никак не мог успокоиться из-за того, что его гер и зять до сих пор не вернулись. Он сидел в главной комнате без малейшего намёка на сонливость.

Через каждые несколько минут Линь Гэнь, несмотря на палящее солнце, выходил за ворота и вглядывался вдаль, надеясь увидеть тех, кого ждал, но раз за разом возвращался ни с чем.

Полдень давно миновал.

Стоя посреди комнаты, он тревожно бормотал:

— Почему их всё нет? Неужели что-то случилось?..

Семья жила бедно, поэтому мысль остаться поесть или переночевать в городе никогда даже не приходила Линь Гэню в голову. Какое бы время ни было, Жун-гер всегда возвращался домой к еде. Даже тогда, когда Линь Гэнь жалел его и уговаривал не беречь так медяки, а хотя бы купить в городе пару лепёшек, чтобы не ходить голодным...

Линь Жун лишь послушно соглашался вслух... и всё равно никогда так не делал.

Со временем Линь Гэнь привык заранее подогревать еду в котле к возвращению сына, чтобы тот, едва переступив порог, мог поесть горячего.

Когда тревога уже начала перерастать в самые дурные мысли, со двора вдруг донёсся шум.

Линь Гэнь спешно поднялся, опираясь на костыль, и заковылял наружу, на ходу окликаая:

— Жун-жун? Цинъюй?

— Отец.

Из двора раздался знакомый мужской голос — Цзянь Цинъюя.

Лицо Линь Гэня тут же просветлело:

— Ай, вернулись наконец...

Раньше Цзянь Цинъюй из-за непривычки к обращению «отец» называл его так от силы несколько раз за всё время.

Впервые Линь Гэнь услышал это слово настолько естественно.

Но улыбка на его лице продержалась ровно до того момента, как он увидел, что Цзянь Цинъюй несёт Линь Жуна на спине.

Увидев своего гера неподвижным и тихим, Линь Гэнь мгновенно побледнел:

— Жун-жун!.. Что с Жун-жуном?!

— Немного перегрелся.

Стоило Линь Гэню услышать это, как сердце у него сжалось от боли и тревоги. Даже губы задрожали:

— Жун-жун...

— ...

Всю дорогу изображавший из себя «почти умирающего» Линь Жун понял, что дальше притворяться уже невозможно.

Видя, что Цзянь Цинъюй совершенно не собирается его отпускать, он поспешно начал слезать сам, руками и ногами цепляясь за мужчину.

Оказавшись на земле, Линь Жун с пылающим лицом встретился взглядом с отцом.

— ...

Линь Гэнь широко раскрыл рот.

Он смотрел на своего «умирающего от солнечного удара» сына, который только что бодро слез со спины мужчины и выглядел вполне живым и здоровым. Он долго не мог вымолвить ни слова.

Линь Жун тут же отвернулся, не смея поднять глаза на отца.

Линь Гэнь перевёл взгляд с покрасневшего лица сына на нахмурившегося Цзянь Цинъюя, который всё продолжал внимательно всматриваться в Линь Жуна...

И внезапно всё понял.

Через некоторое время он шумно хмыкнул.

— Ну... еда в котле, если голодны — поешьте. А я пойду к себе.

Прищурившись от удовольствия, Линь Гэнь вернулся в комнату, едва сдерживая радость.

Ох-ох...

Судя по всему, у него всё-таки появился шанс дождаться внука!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17612/1639531>